

**ЗОЛОТОЙ ВЕК
ПРАВЛЕНИЯ**

**Вячеслав
ОГРЫЗКО**

БРЕЖНЕВ

Вячеслав Вячеславович Огрызко
Брежнев. Золотой
век правления
Серия «Портрет на фоне эпохи»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71985172
Брежнев. Золотой век правления: Вече; Москва; 2025
ISBN 978-5-4484-5220-8*

Аннотация

Леонид Брежнев – одна из самых ярких фигур в советской политической истории. Однако отношение к нему самое разное. Для кого-то он – олицетворение эпохи застоя. Его обвиняют в срыве экономических реформ, что якобы не позволило нашей стране перегнать загнивавший Запад. С ним же связывают притеснения диссидентов всех мастей. Но есть и другая точка зрения. Согласно ей именно при Брежневе резко выросло материальное благосостояние народа и произошла разрядка на мировой арене. Так где же правда? Вячеслав Огрызко, давно занимающийся советской политической историей, в поисках ответов обратился к архивам, которые еще недавно были засекречены. Он «прошерстил» десятки ранее неизвестных фондов и тысячи дел в бывших архивах ЦК КПСС. На основе выявленных документов у него сложился свой неожиданный взгляд на фигуру Брежнева.

Содержание

Кто он, новый лидер страны?!	6
Приход к власти	14
Этого человека учить борьбе за власть не придётся	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Огрызко В. Брежнев. Золотой век правления

© Огрызко В.В., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ПРАВЛЕНИЯ

Вячеслав
Огрызко

БРЕЖНЕВ

Москва • «Вече»

Кто он, новый лидер страны?!

14 октября 1964 года наша страна получила нового руководителя партии, а по сути – и всего Советского государства. Им стал Леонид Брежнев.

Нельзя сказать, что выбор Кремля уж совсем был для всех неожиданностью. Брежнев давно находился на первых ролях. Его знал центральный партаппарат, а также правительство. Известен он был и регионам.

Тем не менее многих интересовали подробности: кто он, новый лидер, и какое у него прошлое.

Я в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ нашёл несколько справок, в которых приводились анкетные данные Брежнева и перечислялись все места его работы, начиная с 1921 года. В частности, одна справка была заполнена в мае 1953 года (в связи с предполагавшимся тогда назначением Брежнева заместителем начальника Главного Политического управления Министерства обороны СССР). Она хранится сейчас в фонде Политбюро (РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 13, лл. 192, 192 об.). Другая справка была составлена в 1954 году после избрания Брежнева вторым секретарём ЦК Компартии Казахстана (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 150, лл. 105, 105 об.).

В этих документах сообщалось, что Леонид Ильич Брежнев родился в 1906 году в Днепродзержинске (хотя на мо-

мент рождения этот городишко носил другое название – Каменское). В графе «национальность» фигурировало: украинец. Вновь русским Брежнев стал указывать себя после обмена паспортов в 1974 году. А вот своё социальное положение Брежнев в 1953 году определял как служащий, а в 1954 году – уже как рабочий. Есть различия и в графе о полученном образовании: в 1953 году Брежнев писал: «Окончил в 1935 г. Днепродзержинский металлургический институт», а в 1954 году – «вечерний металлургический институт». В первой справке он сообщил, что получил специальность инженера-металлурга, а во второй – инженера-теплофика.

Один из важнейших разделов в этих справках назывался так: «Работа в прошлом». По большинству позиций данные в обеих справках совпадают. Я приведу сведения по справке 1954 года. Читаем:

«1921–1923 гг. – работал в сельском хозяйстве отца, гор. Курск

1923–1927 г. – студент землеустроительно-мелиоративного техникума, гор. Курск

1927–1928 г. – землеустроитель губернского земельного управления, гор. Курск

1928–1929 г. – начальник землеустроительной группы окружного земельного управления, гор. Свердловск

1929–1930 г. – заведующий Бисертским районным земельным отделом и заместитель председателя Бисертского

райисполкома Свердловской области

1930–1931 г. – студент сельскохозяйственного института имени Калинина, гор. Москва

1931–1935 г. – студент Днепродзержинского металлургического института, Днепропетровская область Украинской ССР

1935–1936 г. – курсант-одногодичник II механизированного корпуса, гор. Чита

1936–1937 г. – директор Днепродзержинского металлургического техникума, Днепропетровская область Украинской ССР

1937–1938 г. – заведующий совторготделом Днепропетровского обкома КП(б) Украины

1939–1940 г. – секретарь Днепропетровского обкома КП(б) Украины по пропаганде и агитации

1940–1941 г. – третий секретарь Днепропетровского обкома КП(б) Украины

1941–1941 г. – секретарь Днепропетровского обкома КП(б) Украины по оборонной промышленности

1941–1943 г. – заместитель начальника политического управления Южного фронта

1943–1945 г. – начальник политического отдела 18 армии

1945–1945 г. – начальник политического управления 4 Украинского фронта

1945–1946 г. – начальник политического управления Прикарпатского военного округа

1946–1947 г. – первый секретарь Запорожского обкома и горкома КП(б) Украины

1947–1950 г. – первый секретарь Днепропетровского обкома и горкома КП(б) Украины

1950–1950 г. – инспектор ЦК ВКП(б), гор. Москва

1950–1952 г. – первый секретарь ЦК КП(б) Молдавии, гор. Кишинёв

1952–1953 г. – секретарь ЦК КПСС, гор. Москва

1953–1953 г. – начальник Политического управления Военно-морских сил

1953–1954 г. – заместитель начальника Главного Политуправления Министерства обороны СССР, гор. Москва

1954 – н/время – второй секретарь ЦК КП Казахстана» (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 150, лл. 150, 150 об.).

Заверили эти данные 3 марта 1954 года завсектором учёта кадров отдела парторганов ЦК КПСС А.Кочинов и инспектор этого отдела Бородин.

Но в чём эти данные разнятся с теми, которые были указаны в справке, составленной годом ранее? Начну с того, что, когда Брежнева в 1953 году утверждали замом начальника Главполитуправления, то в анкете отметили, что его трудовая биография стартовала в 1921 году на желдорстанции Курск (он тогда был оформлен чернорабочим маслобойного завода). А в справке 1953 года утверждалось, что Брежнев свой трудовой путь начинал с работы в сельском хозяйстве. Кстати, в 1953 году почему-то ни слова не было сказано

об учёбе Брежнева в 1930–1931 годах в Москве в сельхозинституте. Но зато подчёркнуто, что во время занятий на вечернем факультете Днепродзержинского металлургического института Брежнев являлся секретарём парткома (видимо, на освобождённой основе).

Больше всего расхождений в справках относится к середине 1930-х годов. Смотрим, какие данные приводились в справке, составленной в 1953 году:

«1934–1935 г. – студент-дипломник Металлургического института, гор. Днепродзержинск Днепропетровской области.

1935–1936 г. – начальник смены силового цеха металлургического завода им. Дзержинского, гор. Днепродзержинск Днепропетровской области.

1936–1937 г. – курсант команды одногодичников Красной Армии, Дальневосточный край.

1937–1938 г. – заместитель председателя, председатель исполкома Днепродзержинского городского Совета депутатов трудящихся» (РГАНИ, ф. 3, оп. 50, д. 13, л. 192).

Что к этим справкам следовало бы добавить? Вторым секретарём в Алма-Ате Брежнев пробыл год с небольшим. Уже в августе 1955 года его утвердили первым (вместо отправленного послом в Польшу Пантелеймона Пономаренко). А спустя несколько месяцев, в феврале 1956 года, он был вызван в Москву и занял утраченный после смерти Сталина пост одного из секретарей ЦК КПСС и стал курировать пре-

имущественно вопросы оборонной промышленности и космоса.

К слову, на рубеже 1950—1960-х годов Брежнев не раз выполнял весьма деликатные поручения тогдашнего лидера страны Никиты Хрущёва. Тот даже после разгрома летом 1957 года якобы антипартийной группы Маленкова – Молотова – Кагановича не исключал возможности попыток новых лично против него бунтов в Кремле и одну из угроз своего благополучия видел в Клименте Ворошилове, у которого оставались большой авторитет, особенно среди старых большевиков, а главное – серьёзные рычаги воздействия на партийный и государственный аппарат. И Хрущёв предложил Брежневу принять участие в тайной акции по смещению Ворошилова и впоследствии занять должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Сама смена караула с выводом Ворошилова из Президиума произошла на пленуме ЦК 4 мая 1960 года. Однако Хрущёв побоялся сразу оповестить об этом страну. К вопросу о том, как проинформировать народ об отставке Ворошилова и перемещениях Брежнева, он вернулся лишь через два с половиной месяца. Выступая 16 июля на очередном пленуме ЦК, он признал: «Сообщений в печати об этом не было. Посоветовавшись в Президиуме ЦК, мы считаем необходимым опубликовать сообщение по этим вопросам. В сообщении будет сказано, что принято такое решение, но не указано, на каком пленуме» (РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 11, л. 63).

Позже Хрущёв вновь вернул Брежнева в Секретариат ЦК, предложив ему совмещать два поста: секретаря ЦК и номинального советского президента. Какое-то время он даже рассматривал его в качестве одного из возможных своих преемников. Неслучайно именно Брежнева Хрущёв на время своего отсутствия в Москве чаще других оставлял за себя на хозяйстве. Причём каждый раз полномочия Брежнева оформлялись постановлениями Кремля. В качестве примера приведу выписку из протокола № 114 заседания Президиума ЦК КПСС от 10 сентября 1963 года. Она гласила: «На время отъезда из Москвы Первого секретаря ЦК КПСС т. Хрущёва Н.С. возложить председательствование на заседаниях Президиума ЦК КПСС на т. Брежнева Л.И., поручив ему также рассмотрение материалов и подготовку вопросов к заседаниям Президиума ЦК» (РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 12, л. 89).

Однако в какой-то момент Хрущёв, видимо, разочаровался в Брежневе, ведь не случайно летом 1964 года он вновь разделил посты секретаря ЦК и председателя Президиума Верховного Совета СССР, выдвинув на последнюю должность Анастаса Микояна. По одной из версий, Брежнев тогда затаил сильнейшую обиду на Хрущёва и стал плести нити заговора против босса. Но только ли личные мотивы им двигали? Или были и другие причины смещения Хрущёва? И кто всё-таки готовил очередную смену караула в Кремле? И правда ли, что с самого начала делалась ставка именно

на Брежнева?

Приход к власти

О том, как готовилось и проводилось смещение Хрущёва, написаны десятки монографий и сотни научных статей. Опубликованы также мемуары многих участников тех процессов. Но до сих пор так и не составлена хроника событий того времени. Многие и поныне остаётся неясным.

Вот первых два вопроса: когда в Кремле всё-таки возникли идеи смещения Хрущёва, и кто конкретно начал будировать эту тему? Многие историки утверждают, что все планы стали разрабатываться после состоявшегося в июле 1964 года пленума ЦК, на котором Хрущёв выразил резкое недовольство Леонидом Брежневым и Николаем Подгорным, которые до этого воспринимались партаппаратом как фавориты вождя и наиболее реальные преемники руководителя партии. Но, похоже, это не так.

Исследовательница из Минска Наталья Голубева, изучая архивы бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Кирилла Мазурова, в одном из личных блокнотов своего героя обнаружила весьма любопытную запись, сделанную хозяином республики в дни смещения Хрущёва. Читаем: «Знаковая поездка в Берлин на съезд СЕПГ – Социалистической единой партии Германии (состоялась в январе 1963 года) в составе делегации. Возглавлял Брежнев. Во время поездок в Дрезден и Любек велись разговоры с Брежне-

вым о руководстве» (цитирую по книге: Н.Голубева. О чём молчало время. Минск, 2018. С. 235). Получается, что Брежнев начал прощупывать настроения влиятельных партфункционеров ещё с января 1963 года.

Однако из дневников и мемуаров некоторых советских политиков напрашиваются другие выводы. Похоже, что недовольство Брежнева Хрущёвым зрело намного раньше. Нотки недовольства советским лидером у него начали проявляться ещё в конце 1950-х годов. Правда, свои чувства он пытался скрывать. Но иногда его всё-таки прорывало. Уже осенью 1974 года советский дипломат Владимир Семёнов вспоминал, как его поразили откровения Брежнева, сделанные в самый разгар хрущёвского правления. «Однажды, – записал он 21 ноября 1974 года в свой дневник, – <министр иностранных дел> Громыко пригласил меня погулять, и третьим оказался Л.И. Брежнев. Молодой тогда ещё (это было, наверное, в 1957 году), красивый, имевший успех у женщин (это мне говорили <медицинские> сёстры), он (Л.И.) всю дорогу, а мы прошли, наверное, километров шесть, рассказывал о некоторых своих личных переживаниях. <...> В его оценках Хрущёва проскальзывали скрытые критические нотки, хотя они были вместе тогда».

Первые серьёзные разговоры о необходимости отстранения Хрущёва от власти пошли, видимо, весной 1963 года – после случившегося инсульта у Фрола Козлова, который до этого неофициально считался в партии вторым че-

ловеком. Часть членов Президиума ЦК была обеспокоена неопределённостью. Она не могла просчитать, кого вождь сделает своим новым фаворитом. В узких кругах назывались фамилии Брежнева, Суслова, Микояна, иногда ещё Косыгина. Безусловно, все четыре претендента были крупными фигурами и имели большой опыт практической работы. Но как относился к ним Хрущёв? Он-то готов был кого-то из них сделать вторым в партии человеком? Все ведь в Кремле видели, как Хрущёва в последнее время сильно раздражал Суслов. Неровными были и его отношения с Косыгиным. К слову: ходили слухи, что Хрущёв с какого-то момента стал возлагать большие надежды на относительно молодого секретаря ЦК Шелепина. Однако Шелепин ещё не входил в Президиум ЦК, как не состояли тогда в этом высшем партийном ареопаге и некоторые другие любимчики вождя, в частности секретарь ЦК по пропаганде Леонид Ильичёв и секретарь ЦК по сельскому хозяйству Василий Поляков и некоторые другие партийные функционеры, а без этого их появление и утверждение на партийном олимпе было невозможно. Но Хрущёв подготовил свой сюрприз. Летом 1963 года он передал почти все полномочия находившегося в тяжелейшем состоянии Фрола Козлова не какому-то одному чиновнику, а специально сконструированному им тандему Брежнев – Подгорный.

Но всех ли устроил новый сюрприз вождя? Похоже, что нет. Известно, что оказавшиеся летом 1963 года на отды-

хе в Кисловодске министр обороны Родион Малиновский и председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Николай Игнатов в присутствии первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС Фёдора Кулакова выразили неодобрение деятельностью Хрущёва и даже высказались за его смещение. Правда, что конкретно их возмутило в Хрущёве, до сих пор выяснить не удалось. Неужели образование тандема Брежнев – Подгорный? Или всё-таки что-то другое?

К слову: а Хрущёв-то зачем возложил обязанности второго секретаря ЦК сразу на двух человек? Расчёт делался, видимо, на то, что два опытнейших партаппаратчика, подогреваемые непомерными амбициями, схлестнутся в борьбе за право быть ближе к лидеру, дабы им стало не до козней против первого лица. Сам же Хрущёв надеялся тем временем определиться с новой командой и в течение пары лет заменить ею всех стариков в Президиуме ЦК.

Возможно, этот план бы и сработал, но хозяин Кремля сам несколько раз сильно подставился. Первый раз он сплеховал в апреле 1964 года на праздновании своего 70-летия. Ну зачем ему понадобилось публично унижать Суслова (озвучить слухи, будто Суслов за его спиной плёл какие-то интриги)?! Конечно, это очень напрягло главного идеолога партии и побудило его задуматься о способах защиты от непредсказуемого лидера.

Новую серию промашек Хрущёв допустил в первой половине лета 1964 года. Не удовлетворившись разделением в ре-

гионах обкомов и облисполкомов на промышленные и сельские, он задумал преобразовать единую компартию в две партии: рабочую и колхозную. Но с кем прорабатывалась эта идея? Наш посол в Норвегии Николай Луньков рассказывал, как Хрущёв летом 1964 года три недели путешествовал по Скандинавским странам. В Норвегии вождь во время одной из прогулок вырвался вперёд вместе со своим зятем Аджубеем и главредом газеты «Правда» Сатюковым. Шедший позади министр иностранных дел Громыко посоветовал послу догнать лидера (вдруг тому бы понадобилось что-то уточнить по норвежской проблематике). Луньков послушался Громыко и невольно оказался свидетелем монолога Хрущёва (вождь в этот момент как раз делился с Аджубеем и Сатюковым планами разделения партии), о чём он потом во всех подробностях сообщил своему министру. А Громыко, судя по всему, потом поделился этой информацией ещё кое с кем.

По возвращении из Скандинавии Хрущёв назначил пленум ЦК, на котором в завуалированной форме собирался всем дать понять, что разделение КПСС на промышленную и сельскую партии практически предрешено. А это, помимо всего прочего, означало, что впереди страну ждал передел власти. И где были гарантии, что Брежнев, Подгорный или Суслов сохранили бы свои властные полномочия?!

Видимо, в этот период – между поездкой советского лидера в Скандинавские страны и созывом июльского пленума

ЦК – недовольная советским вождём группа высокопоставленных партфункционеров и решила перейти от слов и общих рассуждений о волюнтаризме Хрущёва к поиску в партийном и государственном аппарате и в регионах союзников в деле смещения зарвавшегося хозяина Кремля.

По одной из версий, главным заводилой был секретарь ЦК и председатель Комитета партийно-государственного контроля Александр Шелепин, который имел опору среди как бывших, так и действующих комсомольских функционеров, поскольку сам долгое время руководил комсомолом (хотя ему-то в последние месяцы властвования Хрущёва ничто не угрожало, а наоборот, светило существенное повышение). К этой версии склонялся, в частности, Фёдор Бурлацкий, а он в переломном 1964 году возглавлял группу консультантов в Отделе ЦК по связям с соцстранами, то есть считался главным советчиком другого секретаря ЦК – Юрия Андропова. «Свержение Хрущёва, – писал этот аппаратчик, – готовил вначале не Брежнев. Многие полагают, что это сделал Сулов. На самом деле начало заговору положила группа “молодёжи” во главе с Шелепиным. Собирались они в самых неожиданных местах, чаще всего на стадионе во время футбольных состязаний. И там сговаривались. Особая роль отводилась Семичастному, руководителю КГБ, рекомендованному на этот пост Шелепиным. Его задача заключалась в том, чтобы парализовать охрану Хрущёва. И действительно, когда Хрущёва вызвали на заседание Президи-

ума ЦК КПСС из Пицунды, где он отдыхал в это время с Микояном, его встретил на аэровокзале один Семичастный. Хрущёв, видимо, сразу понял, что к чему. Но было уже поздно. Мне известно об этом, можно сказать, из первых рук. Вскоре после октябрьского пленума ЦК мы с Е. Кусковым [замзав международным отделом ЦК. – В.О.] готовили речь для П.Н. Демичева, который был в ту пору секретарём ЦК. И он торжествующе рассказал нам, как Шелепин собирал бывших комсомольцев, в том числе его (нередко это происходило на стадионе в Лужниках во время футбола), и как они разрабатывали план “освобождения” Хрущёва. Он ясно давал нам понять, что инициатива исходила не от Брежнева и что тот только на последнем этапе включился в дело. Я хорошо помню взволнованное замечание Демичева: “Не знали, чем кончится всё и не окажемся ли мы завтра неизвестно где”. Примерно то же сообщил мне – правда, в скупых словах – и Андропов» (Ф. Бурлацкий. Вожди и советники. М., 1990. С. 275).

Бурлацкий утверждал, что Брежнев в планы по смене лидера был посвящён не сразу, а только после того как Шелепин понял, что сам он Хрущёва со своими комсомольцами вряд ли бы одолел. «Действительно, – писал он, – заговор обрёл силу, когда в него включился Брежнев. Действительно, именно он и Подгорный взяли на себя обработку других членов руководства. Шелепин не мог этого сделать сам, а тем более за спиной Брежнева» (Ф. Бурлацкий. Вожди и совет-

ники. М., 1990. С. 277–278).

Но можно ли полностью доверять оценкам Бурлацкого? Смотрите: накануне решающей схватки за власть в Кремле непосредственное начальство под благовидным предлогом удалило его из Москвы за город – готовить очередную записку для Хрущёва. А почему? Андропов и один из его замов по Отделу ЦК по связям с соцстранами Лев Толкунов знали о длинном языке Бурлацкого, поэтому его ни в какие тайные планы не посвящали. Кроме того, Бурлацкий не входил в близкий круг Андропова, хотя и числился у него руководителем группы консультантов. Его Андропову в своё время навязал Отто Куусинен, который, пока был жив, как раз служил неким гарантом сохранения Хрущёва во власти. И неудивительно, что, как только в Кремле руководство поменялось, Андропов поспешил от Бурлацкого избавиться и отправил его обозревателем в редакцию газеты «Правда».

Есть версия, что инициировал длительный процесс по смещению Хрущёва всё-таки не Шелепин, а Михаил Суслов. Правда, он долгое время предпочитал сам нигде не светиться. «Однако весной 1964 года (а может быть, и ранее), – рассказывал в мемуарах зять Хрущёва, тогдашний главный редактор газеты “Известия” Алексей Аджубей, – именно Суслов стал вести конфиденциальные беседы с некоторыми членами ЦК об отстранении Хрущёва от руководства партией и страной. Главными союзниками Суслова были А.Н. Шелепин, не так давно назначенный председателем Комитета

партийно-государственного контроля, и Н.Г. Игнатов, не избранный на XXII съезде в Президиум ЦК».

Но Шелепин, как он сам утверждал в интервью позднерестроечного времени, решил сделать ставку на Брежнева. «Вам-то известно, – рассказывал Шелепин в 1990 году искушённому партаппаратчику Валерию Болдину, – что я Брежнева знал хорошо. Бывал с ним и на охоте, и на хоккее, и на футболе. Бывал у него и дома. Знаю много о нём с разных сторон. И скажу, что некоторые качества у него были просто выдающиеся» (Цитирую по изданию: «Досье. История и современность». 2005. № 14). Суслов поначалу Шелепиным, видимо, игнорировался.

Несколько иная точка зрения существовала у Дмитрия Полянского, который был в советском правительстве замом Хрущёва по сельскому хозяйству. Уже в 1993 году он прямо говорил, что у истоков процесса по удалению Хрущёва из власти стояли трое: «Брежнев, Подгорный, я». «Нас поддерживали, – продолжал Полянский, – А.Н. Косыгин, Г.И. Воронов, К.Т. Мазуров, П.Е. Шелест, Ю.В. Андропов, П.Н. Демичев, В.Е. Семичастный» («Правда». 1993. 18 марта). Суслов, по его словам, примкнул к бунтарям в самый последний момент, когда уже мало кто сомневался в скором падении Хрущёва.

Ещё раз подчеркнём: Брежнева Полянский указал первым. Получалось, что именно Брежнев был самым главным заводилой, а вторым – Николай Подгорный.

Косвенно этот расклад сил подтвердил в своих мемуарах и тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Украины Пётр Шелест. По его словам, идея о необходимости перемен в Кремле стала муссироваться среди некоторых членов Президиума ЦК сразу после торжеств в честь 70-летия Хрущёва, в конце апреля 1964 года, а активизировались разговоры на эту тему в начале лета 1964 года – ещё до июльского пленума ЦК.

Шелест рассказывал, как проводилась работа лично с ним. За неделю до пленума ЦК, 3 июля, его на отдыхе в Крыму посетил Брежнев и сначала поинтересовался у хозяина Украины отношением к Хрущёву, а затем стал всячески настраивать своего собеседника против действующего руководителя страны. А на следующий день, 4 июля, к обсуждению хрущёвской темы подключился уже и Подгорный.

А как же Шелепин? Смотрите: его не упомянули ни Полянский, ни Шелест. Почему? Может, он действительно играл в процессах по смещению Хрущёва не главную, а второстепенную роль, был, так сказать, на побегушках? И тут выясняется, что отстранение Хрущёва от власти готовил целый штаб, в котором имелись свои командиры и свои серые кардиналы. На роль командиров, я бы даже сказал, командармов, в разные периоды претендовали (в алфавитном порядке, а не по размерам своих амбиций) Брежнев, Игнатов, Подгорный, Полянский и Шелепин. За кулисами же действовал не только Суслов. В тени пребывал ещё один серьёзный иг-

рок – заведующий Отделом административных органов ЦК Николай Миронов (а ему из всех командиров был ближе Брежнев, с которым он приятельствовал ещё с довоенных лет). Здесь надо ещё отметить, что этот партаппаратчик и в прошлом чекист по своим должностным обязанностям курировал армию и спецслужбы, в том числе занимался подбором руководящих кадров для Вооружённых Сил и КГБ. Николай Месяцев, который в своей жизни близко соприкасался и с Мироновым (они одно время вместе служили в органах госбезопасности), и с Шелепиным (под его руководством он курировал вопросы пропаганды в ЦК ВЛКСМ), и с Андроповым (он был его замом в отделе ЦК КПСС с 1963 по 1964), в одном из интервью утверждал, что Миронов в конце 1950-х годов много помогал и Брежневу, и Шелепину. «Думаю, – говорил он, – только Николай Романович <Миронов> при подготовке пленума <ЦК по снятию Хрущёва> мог стать связующим звеном между Брежневым и Шелепиным. И только он мог убедить обоих принять участие в деле» («Аргументы и факты». 1995. № 43).

Добавим: Миронов же наладил и тесное взаимодействие между Брежневым и начальником Генштаба Сергеем Бирюзовым.

Теперь о том, какой пленум ЦК имел в виду Месяцев. Октябрьский 1964 года? Но многое говорит о том, что Миронов помог Брежневу и Шелепину объединиться куда раньше. Это объединение произошло не позднее начала лета 1964 года.

Но похоже, что Брежнев не до конца открылся Шелепину. Во всяком случае точно известно, что от Шелепина долго скрывалось участие в задуманном процессе Суслова. И это в июле 1964 года привело к конфузу.

Что тогда произошло? Напомню: Хрущёв провёл очередной пленум ЦК, на котором проанонсировал несколько будущих новаций. Ряд членов Президиума ЦК увидели в планах вождя угрозу своему положению. Многие засуетились. Не стал исключением и Шелепин. Не посоветовавшись с Брежневым, он решил прозондировать на предмет отношения к Хрущёву некоторые влиятельные фигуры, в частности Суслова. В этом ему вызвался помочь тогдашний первый секретарь Московского горкома КПСС Николай Егорычев. Тут ещё и повод появился: Кремль включил Егорычева в возглавляемую Сусловым делегацию на похороны лидера французской компартии Мориса Тореза. В Париже Егорычев, улучив момент, завёл с Сусловым разговор о необходимости смены Хрущёва. Однако Суслов, сославшись на начавшийся дождь, от обсуждения вопроса уклонился и поспешил с улицы, где имел возможность общаться с Егорычевым наедине, укрыться в людном помещении. Егорычев позднее объяснил это трусостью Суслова. Но он ошибался. Сейчас-то понятно, что именно Суслов разрабатывал для Брежнева одну из схем по лишению Хрущёва властных рычагов, но сам до последнего продолжал оставаться в тени, как истинный серый кардинал. К тому же он остерегался многих выход-

цев из комсомола, не без основания считая, что у них были слишком длинные языки.

К слову: буквально через месяц в Крыму умер ещё один коммунистический деятель Запада – лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти. Гроб с его телом в Италию повезла наша делегация во главе уже с Брежневым. И теперь уже Брежнев завёл в поездке опасный разговор о Хрущёве с другим членом делегации – первым секретарём Ленинградского горкома партии Георгием Поповым. Родные Попова рассказывали: «На прямой вопрос Брежнева, поддержит ли ленинградская парторганизация отставку Хрущёва, отец ответил положительно» («Литературная Россия». 2016. 3 февраля).

Почему для Брежнева это было очень важно? Егорычев рассказывал, что в какой-то момент ему поручили прозондировать настроение первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Василия Толстикова. Поручение это исходило, видимо, или от Шелепина, или от Демичева. Судя по всему, Егорычев рассчитывал, что Толстиков без раздумий присоединится к инициаторам смещения Хрущёва. Откуда была такая уверенность? Существовало мнение, что это Шелепин в 1962 году посоветовал Хрущёву, когда решался вопрос об укреплении руководства Ленинградским обкомом, выдвинуть именно Толстикова, и якобы Толстиков с тех пор был заточен прежде всего на Шелепина. Но Толстиков отказался вступить в борьбу против действующего лидера. Он

сказал Егорычеву: Хрущёв – это молоток. И команде Шелепина стоило многих усилий, чтобы Толстиков потом не донёс на неё людям Хрущёва, а заодно ей пришлось срочно искать в Ленинграде другого видного функционера, который мог бы в соответствующем духе настроить местный актив.

Вообще начиная со второй половины августа недовольные Хрущёвым члены Президиума и Секретариата ЦК вели усиленную работу среди колебавшихся членов советского руководства и первых секретарей ключевых российских регионов, с тем чтобы подбить их выступить за смену в партии лидера. На тот момент группу недовольных составляли (перечислю людей не в порядке их вовлечённости в процесс, ибо вопрос, кто в большей степени был причастен к тем делам, а кто в меньшей, до сих пор дискуссионный, а в алфавитном): секретарь ЦК Андропов, секретарь ЦК Брежнев, секретарь ЦК Демичев, первый секретарь Московского горкома КПСС Егорычев, председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Николай Игнатов, первый зампред Совмина СССР Косыгин, первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС Кулаков, секретарь ЦК Подгорный, зампред Совмина СССР Полянский, председатель КГБ СССР Семичастный, секретарь ЦК Сулов, председатель Высшего Совета Народного Хозяйства Устинов, секретарь ЦК Шелепин, первый секретарь ЦК КП Украины Шелест... К тому времени с ними заодно уже были также министр обороны СССР Малиновский, начальник Генштаба Бирюзов и заво-

делом административных органов ЦК Миронов...

Безусловно, сложилась очень серьёзная команда. Но для успешной организации замены первого лица этого, видимо, было недостаточно. Вот почему самые активные организаторы смещения Хрущёва постоянно думали о расширении круга своих союзников. Особенно в этом плане старался Брежнев.

Из воспоминаний тогдашнего председателя правительства России Геннадия Воронова известно, что Брежнев использовал любую возможность, чтобы привлечь на свою сторону высокопоставленных функционеров. Скажем, того же Воронова он, грубо говоря, завербовал в середине августа. Дело было в подмосковном Завидове на охоте. Брежнев, пока специально обученные люди освежёвывали трофеи, стал под водочку прощупывать настроение Воронова. Тот сразу догадался, что от него хотели услышать, и попробовал уклониться от разговора. Но Брежнев ему показал список членов ЦК с отметками, кто уже согласился участвовать в смещении Хрущёва. А окончательно убедило Воронова в серьёзности планов Брежнева присутствие при разговоре секретаря ЦК Юрия Андропова, который в его понимании отличался сверхосторожностью и, если б затевалась авантюра, в неё бы не влез.

Очень усердствовал тогда и Николай Подгорный. «Он был одним из основных действующих лиц, – рассказывал Николай Егорычев. – Подгорный ездил на Украину и беседовал

с товарищами, которые были членами ЦК КПСС, уговаривал и убеждал их, что надо менять руководство».

Судя по некоторым данным, в кругах, близких к Шелепину, смена власти поначалу планировалась на вторую половину августа 1964 года. К этому склонялся тогдашний начальник 7-го Управления КГБ Виктор Алидин. Он в конце июля собрался в отпуск, но Семичастный обязал его к 15 августа вернуться в Москву и быть на работе. Алидин догадался: грядут перемены в Кремле.

Но почему же к осени 1964 года так ничего и не решилось? Похоже, ни одна из групп, стремившихся сместить Хрущёва, ещё не была полностью уверена в своих силах. Требовалось дополнительное время для наращивания мускулов и мышц. Это первое. И второе. Видимо, среди групп, планировавших отставку Хрущёва, ещё не был достигнут консенсус насчёт того, кто бы смог возглавить партию.

К слову: недовольные Хрущёвым круги времени даром не теряли. Поскольку август и начало сентября традиционно считались отпускной порой и бдительность многих служб соответственно в этот период притуплялась, то в этих кругах решили использовать летнее затишье на полную катушку, и в первую очередь – для вербовки региональных руководителей. Скажем, Игнатов взял на себя прощупывание облизполкомовцев и обкомовцев, проводивших в августе 1964 года свои отпуска в правительственных санаториях Сочи. Он лично встретился с представителями элит Волгограда, Бел-

города, Камчатки, Чечено-Ингушетии и других республик и областей и заручился их поддержкой. А уже 29 августа ему в Сочи позвонил Брежнев и попросил слетать в Краснодар под видом вручения ордена какому-то предприятию – чтобы переговорить по поводу будущего Хрущёва с первым секретарём крайкома партии Георгием Воробьёвым.

Одновременно чем-то подобным на Кавказских Минеральных Водах занимались отдохавшие там Демичев, Полянский, Семичастный и Шелепин.

Не сидели сложа руки и те входившие в круги недовольных Хрущёвым руководители, которые оставались в Москве. Возглавлявший в правительстве комиссию по вопросам СЭВ в ранге министра Владимир Новиков вспоминал: «Примерно в сентябре 1964 г. как-то вечером меня пригласил к себе Д.Ф. Устинов как председатель ВСНХ... У него сидел А.М. Тарасов, его заместитель... С места в карьер пошёл разговор о том, что в ближайшее время состоится пленум ЦК КПСС: надо, чтобы я подготовил тексты двух выступлений: одно – для Устинова, другое – для себя. Оба предназначались для выступления на пленуме, с тем чтобы показать руководящему составу партии все безобразия, которые “вытворяет Хрущёв”. Устинов сказал: “Ты ряд лет работал в Госплане РСФСР и в Госплане СССР, и у тебя должно быть материалов предостаточно”. Я спросил: “Что, Хрущёва снимать собираются?” Устинов подтвердил. У меня возник вопрос, как к этому отнесутся военные и КГБ? Получил ответ:

тут всё в порядке, будет полная поддержка. Тогда я согласился» («Вопросы истории». 1989. № 2. С. 115).

Значило ли это, что у недовольных Хрущёвым не возникало проблем и все, с кем они вели переговоры, незамедлительно вливались в их команду? Нет. Были в партийном и государственном аппаратах и сомневающиеся, и просто трусы. Скажем, стоило Косыгину – а он тогда был первым зампредом Совмина – завести разговор о планах в отношении Хрущёва с работавшим в Совете народного хозяйства СССР Вениамином Дымшицем, как его собеседник сразу впал в ступор, потом молча попятился к выходу из кабинета, а затем поспешил лечь в больницу. Кстати, в коридорах власти тогда обнаружили и убеждённые сторонники Хрущёва. К их числу принадлежал, в частности, бывший заведомом машиностроения ЦК Иосиф Кузьмин.

Как долго недовольная Хрущёвым часть верхушки занималась бы лишь вербовкой своих сторонников, при этом не предпринимая конкретных шагов по замене лидера, неизвестно. Но Хрущёв сам вновь лопухнулся и ускорил процесс. 17 сентября на заседании Президиума ЦК он заявил, что на ближайшем пленуме ЦК займётся омоложением высшего руководства страны.

Анастас Микоян в своих мемуарах утверждал, что Хрущёв собирался ввести в высший парторган секретарей ЦК Александра Шелепина, Леонида Ильичёва, председателя КГБ СССР Владимира Семичастного, гендиректора ТАСС

Дмитрия Горюнова, главреда «Правды» Павла Сатюкова, главреда «Известий» Алексея Аджубея. О возможных переменах в Президиуме ЦК рассказывал в 1990-е годы и сын Хрущёва Сергей. «Отец действительно, – вспоминал он, – не остерегался, даже мне в сентябре говорил о планах омоложения Президиума ЦК уже на ближайшем, ноябрьском, пленуме ЦК <...> Они – живее “стариков”, легко улавливают новое, развивают брошенную им мысль, вываливают в ответ ворох дельных предложений» (С. Хрущёв. Реформатор. М., 2010). Правда, Сергей Хрущёв утверждал, что отец планировал сделать членами высшего партийного ареопага не всех, кого перечислил Микоян, а только Шелепина, Ильичёва, Сатюкова и Аджубея, плюс Андропова, председателя Гостелерадио Михаила Харламова и секретаря ЦК по сельскому хозяйству Полякова. И если б эти планы Хрущёва осуществились, то, вероятно, следовало бы ждать отставок как минимум Брежнева, Подгорного, Суслова и Косыгина, кем вождь уже не раз публично возмущался.

Естественно, Брежнев – и не один он – сильно обеспокоился. Влиятельный секретарь ЦК занервничал и задумался о том, как бы ускорить ход событий.

Уточню: беспокойство Брежнев стал проявлять ещё до заседания Президиума ЦК. Напомню, 7 сентября по поручению Кремля он прибыл в Софию на празднование 20-летия победы болгарских коммунистов. Но сразу по приезде в Болгарию Брежнев потребовал, чтобы ему каждый день

приносили сводки новостей из Москвы. Он нутром чувствовал, что Хрущёв замышлял в отношении членов Президиума из старшего поколения что-то нехорошее. Поэтому, когда пришло время возвращаться в Союз, Брежнев решил сделать промежуточную посадку в Киеве. Ему необходимо было ещё раз обо всём переговорить с Шелестом. «Я сказал, – вспоминал Шелест, – что в “дело” посвящено слишком много людей и промедление его решения чревато большими неприятностями ни в чём не повинных людей. Брежнев пытался что-то объяснить, но всё было довольно невнятно и даже “подозрительно”» (П. Шелест. Да не судимы будете. М., 2016. С. 224).

Но подтверждало ли это, что именно к Брежневу тогда окончательно перешла роль главного организатора смены в Кремле лидера? Нет. На тот момент претензии на лидерство имел как минимум ещё один человек: Николай Подгорный. Правда, Владимир Семичастный утверждал, что ничего подобного, будто бы изначально все недовольные Хрущёвым делали ставку исключительно на Брежнева. Уже в 1999 году он напомнил журналисту В. Ларину: «Вы забываете о партийной иерархии. Брежнев был вторым человеком в партии. И никакая другая кандидатура на роль лидера даже не обсуждалась. А жаль» (Власть. 1999. № 40. 12 октября).

В другой раз Семичастный подчеркнул: «Конкурировать с Брежневым не могли ни Суслов, ни Подгорный».

Однако Дмитрий Полянский рассказывал совсем другое. «Сначала склонялись в пользу Подгорного, – вспоминал

он, – но он сам отвёл свою кандидатуру» («Правда». 1993. 18 марта). Велись по этому вопросу, по словам Полянского, разговоры и с Алексеем Косыгиным. Но и тот отказался от первой роли. И только после этого осталась лишь одна кандидатура – Брежнева. Повторю: это утверждал Полянский.

И кому верить? Как обстояли дела в реальности?

Сейчас нет никаких сомнений в том, что в конце сентября 1964 года в узких кругах на место Хрущёва обсуждались уже только две кандидатуры: Брежнева и Подгорного.

Шелепин, по сути, выпал из списка возможных лидеров ещё в августе. Он сам уже в начале 1990-х годов говорил давнему партаппаратчику Валерию Болдину, будто бы всю историю со смещением Хрущёва придумали Брежнев и Подгорный, а его всего лишь использовали. «Моя роль, – рассказывал Шелепин, – состояла в том, что Брежнев поручил мне принять участие в подготовке материалов к докладу». Доклад должен был осветить все ошибки и промахи Хрущёва во внутренней и внешней политике. Шелепин начал над ним работу во время отпуска в Железноводске. Ему тогда регулярно названивал Брежнев. Тому было важно узнать, как далеко Шелепин продвинулся. Но когда в сентябре Шелепин вернулся в Москву и первый вариант доклада показал Брежневу, тот только сморщился: всё оказалось очень и очень плохо. Поэтому вскоре к работе над материалами об ошибках Хрущёва был привлечён Полянский.

А дальше произошла серия утечек. О вынашиваемых недовольной Хрущёвым частью советского руководства планах стало известно родным и близким советского вождя. Какую-то информацию зятю Хрущёва – Аджубею передал секретарь ЦК КП Грузии по пропаганде Дэви Стуруа (его родной брат работал у Аджубея в газете «Известия»). Что-то сообщили доброжелатели жене Аджубея – Раде Никитичне, которая работала в редакции журнала «Наука и жизнь». Но больше всех сыну Хрущёва – Сергею наболтал охранник Николая Игнатова – Виктор Галюков.

Реакция Хрущёва оказалась странной. Он заявил, что Брежнев, Подгорный и Шелепин – совершенно разные люди, чтобы могли против него объединиться. Тем более в его планах было повышение статуса Шелепина. Видимо, Хрущёв забыл об уроках 1957 года, когда к старой гвардии, попытавшейся вернуть себе прежнее положение, присоединился его недавний фаворит Шепилов. Впрочем, нельзя было исключать и другой вариант: Хрущёв уже давно о многом догадывался, но по каким-то причинам решил больше не бороться за своё лидерство (или кто-то убедил его в том, что пришло время расставания с властью).

Правда, 28 сентября вождь незадолго до своего отъезда на юг, где собирался догулять отпуск, всё-таки вскользь намекнул Николаю Подгорному, что он кое-что уже прослышал про заговор. «Идут разговоры, – мельком бросил Хрущёв Подгорному, – что существует какая-то группа, которая

хочет меня убраться, и вы к этой группе причастны».

Подгорный перепугался и ринулся к Брежневу. Как он потом рассказывал Шелесту, Брежнев якобы ещё больше струсил и даже предложил отложить все планы по смещению Хрущёва.

Удивлённый поведением Брежнева, Подгорный стал искать возможности наведать в Киеве первого секретаря ЦК КП Украины. «С Н.В. Подгорным, – вспоминал Шелест, – мы пришли к верному убеждению, что «промедление в этом деле смерти подобно», надо форсировать события, доводить вопрос до развязки, причём максимально для этого использовать время отсутствия в Москве Н.С. Хрущёва» (П. Шелест. Да не судимы будете. М., 2016. С. 231).

О страхах Брежнева позже писал и Егорычев. С его слов выходило, что Брежнев при встрече чуть ли не на грудь ему кинулся и стал плакаться. «Коля, – вспоминал тот разговор Егорычев, – Хрущёву всё известно. Нас всех расстреляют». Правда, есть большие сомнения: а не насочинял ли что-то Егорычев в отместку Брежневу за своё увольнение через три года после низвержения Хрущёва?

Тут возникает ещё один интересный вопрос. Если Брежнев, когда узнал о том, с каким настроением Хрущёв собирался покинуть Москву, сразу стал праздновать труса, то почему тогда недовольные вождём члены Президиума ЦК не отодвинули его от руководства процессом по смене власти в Кремле и не поручили дальнейшую реализацию своих пла-

нов тому же Подгорному? Одну из версий в своих мемуарах выдвинул академик Георгий Арбатов. По его мнению, в той ситуации неопределённости, когда теоретически могли победить и несогласные с Хрущёвым, но и Хрущёв имел шансы уцелеть во власти, Брежнев более всех устраивал практически все элитные группы. А почему? Он представлялся самой сильной личностью? Да нет. «Л.И. Брежнев, – утверждал Арбатов, – рассматривался большинством людей в аппарате ЦК и вокруг как слабая, а многими – как временная фигура. Не исключаю, что именно поэтому на его кандидатуре в первые секретари ЦК и сошлись участники переворота» (Г. Арбатов. Человек системы. М., 2015. С. 166).

Судя по всему, Брежнев должен был проделать большую часть самой грязной работы, а потом уступить добытое место Подгорному или Шелепину. На это позже указывал и Шелест. Давая в конце 1980-х годов интервью главному редактору газеты «Аргументы и факты» Владиславу Старкову, он подчёркивал: «Считаю, что Брежнев как руководитель партии и государства был фигурой случайно, переходной, временной» (приведено в кн.: А. Аджубей. Те десять лет. М., 1989. С. 292). Осенью 1964 года Шелест не сомневался, что уже через год Брежнев будет заменён Подгорным.

Вернёмся к Хрущёву. На отдых он отбыл 1 октября. «На хозяйстве» по партийной линии им был оставлен Подгорный, по правительственной – Полянский. Но в Крыму вождь пробыл недолго. Его не устроила испортившаяся там

погода. Поэтому вскоре он перебрался в Пицунду, где уже находился на отдыхе Микоян. И именно в Пицунде Хрущёв сделал ещё один непродуманный шаг: вечером 11 октября он неожиданно позвонил в Москву оставленному «на хозяйстве» по линии правительства Дмитрию Полянскому – видимо, в связи с готовившимся на ноябрь пленумом ЦК по сельскому хозяйству. Однако делового разговора не получилось. Хрущёв, накричав на собеседника, пообещал по возвращении в столицу всему Президиуму ЦК показать кузькину мать. Перепугавшийся Полянский тут же соединился по телефону с Подгорным и Брежневым (первый тогда с рабочей поездкой находился в Молдавии, а второй – в Берлине).

Кстати, а что Брежнев делал в Берлине? Он возглавлял нашу делегацию по случаю 15-летия ГДР. Во время празднеств его познакомили с гастролировавшими в Берлине певицей Галиной Вишневецкой и виолончелистом Мстиславом Ростроповичем. «Вечером 8 или 9 октября 1964 года в посольстве, – рассказывала в мемуарах Вишневецкая, – был обед, не в парадной, а в небольшой комнате и для очень узкого круга – кроме Брежнева, <посла> Абрасимова, Славы и меня, ещё, пожалуй, человек шесть. Весь вечер я сидела рядом с ним [с Брежневым. – *В.О.*], и он, как любезный кавалер, всячески старался развлечь меня, да и вообще был, что называется, в ударе. Хорошо одетый, черноволосый, нестарый мужчина – ему было тогда 57 лет, – энергичный и очень

общительный, компанейский. Щеголял знанием стихов, особенно Есенина... Пил он не много, рассказывал анекдоты и даже стал петь смешные частушки, прищёлкивая пятками, руками изображая балалайку, цокал языком и на вятском наречии пел довольно приятным голосом. И это не были плоские потуги, нет, это было артистично и талантливо».

На том вечере посол Абрасимов шепнул Вишневской, что Брежнев ждало большое будущее. Абрасимов как в воду глядел (а может, уже многое и знал): буквально через несколько дней Брежнев стал новым лидером партии.

К слову, Брежнев собирался пробыть в Берлине чуть ли не до середины октября. Но внезапный звонок Полянского заставил его немедленно вылететь в Москву.

Уже 12 октября все недовольные Хрущёвым члены Президиума ЦК собрались в Кремле. Судя по всему, многие из них уже были готовы к переделу власти. На чём основывается этот вывод? Смотрите, они заранее убрали из Москвы несколько опасных фигур, которые могли бы всё сорвать. В частности, 11 октября неожиданно в командировку во Францию был отправлен главред газеты «Правда» Павел Сатюков. Его обязанности временно возложили на Козева. И он тут же был проинструктирован, какие материалы ему не следовало ставить в ближайшие номера. В те же дни в заграничную командировку Кремль отправил председателя Гостелерадио Михаила Харламова. Какое-то срочное задание, связанное с отъездом из Москвы, получил и редактор

«Известий» Аджубей.

То есть начальников всех ведущих СМИ, заточенных лично на Хрущёва, сознательно в начале второй декады октября 1964 года из Москвы убрали – чтобы, не дай бог, они не напечатали бы что-то против намеченной отставки Хрущёва. Сама отставка, видимо, прогнозировалась условно на конец отпуска Хрущёва – 15–16 октября. Но неожиданный хамский звонок Хрущёва из Пицунды Полянскому побудил членов Президиума ЦК приступить к процедуре чуть раньше.

После состоявшегося 12 октября на Президиуме ЦК обмена мнениями высший парторган постановил:

«1. В связи с поступающими в ЦК КПСС запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намеченным к обсуждению на пленуме ЦК КПСС в ноябре с.г. и в разработках нового пятилетнего плана, признать неотложным и необходимым обсудить их на ближайшем заседании Президиума ЦК КПСС с участием т. Хрущёва.

Поручить тт. Брежневу, Косыгину, Суслову и Подгорному связаться с т. Хрущёвым по телефону и передать ему настоящее решение с тем, чтобы заседание Президиума ЦК провести 13 октября 1964 г.» (РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 749, л. 7).

Звонок Брежнева Хрущёву в Пицунду последовал в тот же день, в девять вечера. Хрущёву было предложено срочно прервать отдых и вернуться в Москву.

К слову: не то что страна, даже большая часть аппарата ЦК о происходившем в тот день в Кремле ничего не зна-

ла. В тайны мадридского двора были посвящены единицы. Скажем, тогдашний завсектором телевидения и радио ЦК Александр Яковлев был проинформирован о планах группы Брежнева лишь поздно вечером 12 октября. Его вызвал Суслов. Он и сообщил, что готовится пленум ЦК, на котором Хрущёв будет отправлен в отставку. В связи с этим Яковлеву было поручено за ночь набросать проект передовицы для газеты «Правда». В конце короткой беседы Суслов сказал: текст должен уже в восемь утра лежать в его приёмной, причём в запечатанном виде. Яковлев подчинился. К утру он набросал 15 страниц (часть из них в переработанном виде «Правда» опубликовала в номере за 16 октября).

Ещё одно важное уточнение. Об истинных намерениях большей части Президиума ЦК до самого последнего момента не знали даже некоторые кандидаты в члены этого высшего парторгана. Сошлюсь на Леонида Ефремова (он был заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по сельскому хозяйству РСФСР). Ближе к обеду 13 октября этот партчиновник вернулся из Тувы в Москву, но, как только он заехал к себе на работу (на Старую площадь), его тут же пригласил к себе Подгорный. «Николай Викторович, – вспоминал Ефремов, – задал мне два-три вопроса относительно поездки в Туву и сообщил, что вчера вечером на Президиуме ЦК, после рассмотрения плана встречи космонавтов, они обменялись мнениями о положении в руководстве». Подгорного волновала позиция собеседника, готов ли он выступить

за отставку Хрущёва. Ефремов поначалу растерялся, но потом, быстро всё в уме просчитав, сказал, что будет вместе со всеми членами Президиума. И Подгорный тут же предложил ему вместе отправиться в Кремль, на новое заседание Президиума ЦК, чтобы окончательно решить вопрос об отставке Хрущёва.

Думается, что Брежнев и Подгорный до последнего не посвящали в свои планы не только Ефремова.

Итак: заседание Президиума ЦК с участием уже Хрущёва открылось 13 октября в 15.30. В этот момент Семичастный дал указание произвести замену охраны в приёмной, на квартире и на даче ещё действующего, не свергнутого лидера.

Кстати, сам Хрущёв, когда приехал с аэродрома в Кремль, первым делом, продолжая считать себя вождём, занял место председательствующего. Однако ему даже не дали возможности открыть рта. Слово сразу взял Брежнев. Сохранились записи заведующего Общим отделом ЦК Владимира Малина, в которых тезисно перечислялись все основные пункты речи Брежнева с обвинениями в адрес Хрущёва. Цитирую:

«1) Ставят вопрос секретари: что означает восьмилетка? [Хрущёв предлагал вместо семилетнего планирования перейти к восьмилетнему. – В.О.];

2) о подготовке к пленуму <ЦК>;

3) о разделении обкомов <на промышленные и сельские>;

4) о частых структурных изменениях;

- 5) т. Хрущёв, не посоветовавшись, выступил на совещании о восьмилетке;
- 6) общение стало через записки;
- 7) высказаться о положении в Президиуме ЦК;
- 8) обращение с товарищами непартийное» (цитирую по кн.: Никита Хрущёв. 1964. М., 2007. С. 217).

Не ожидавший такого мощного напора, Хрущёв вынужден был признать часть своих ошибок. Но совсем сдаваться он не захотел и выразил готовность продолжить работу в прежних качествах, пообещав быстро выправить ситуацию. Но понимание он нашёл лишь у одного Микояна. Все другие члены Президиума идти на какие-либо уступки Хрущёву не собирались.

Позже по Москве стали бродить самые разные слухи. «Среди народа, – записал 25 октября 1964 года в свой дневник Владимир Семёнов, – ходят всякие ничем не подтверждённые слухи и предположения о недавних перемещениях. Говорят, например, что Н.С.<Хрущёв> и А.И.<Микоян> были вызваны с юга для них неожиданно. Н.С. пробурчал: “И пяти минут без меня не можете обойтись!” Однако поехали. На аэродроме Н.С. встречал Семичастный В.Е., а А.И.<Микояна> – Георгадзе М.П. Семичастный сказал, что машины готовы и можно ехать. Н.С. спросил: “Куда?” “В Кремль”, – был ответ. Обсуждение началось речью А.И. Шелепина, на что последовала якобы брань. Потом дело развернулось жарче, и Н.С. заплакал. Он якобы разжалобил

товарищей, и было решено ограничиться формулировкой о преклонности лет и болезни». Но в реальности всё, как я уже рассказывал, обстояло чуть иначе. Это к тому, что далеко не всегда можно верить слухам.

Поздно вечером 13 октября Президиум ЦК перенёс дальнейшие баталии о судьбе Хрущёва на утро. Правда, все покидали Кремль с тревожным чувством. Никто не мог гарантировать, что Хрущёв не выкинет за ночь какой-нибудь фортель и не попытается в свою защиту поднять остававшуюся ему верной часть партаппарата, а то и армию. Ведь сильного льва пока удалось лишь тяжело ранить, но не полностью повергнуть.

Один из помощников Хрущёва, Олег Трояновский, позже вспоминал, как он был уверен в том, что шеф не успокоится и продолжит борьбу. Но босс принял иное решение.

«Когда <первое> заседание <Президиума ЦК> кончилось [а это, напомним, было уже поздно вечером 13 октября. – *В.О.*], – рассказывал Трояновский, – Никита Сергеевич сразу вернулся в свой кабинет и через несколько минут вызвал меня. Когда я зашёл в кабинет, то увидел его сидящим за длинным столом, за которым он обычно работал и принимал людей. Меня поразило его усталый, подавленный вид. Первыми его словами были: “Моя политическая карьера закончилась, теперь главное – с достоинством пройти через всё это”. Я спросил: “Никита Сергеевич, а вы не думаете, что на Пленуме ЦК обстановка может измениться в вашу пользу, как это

произошло в 1957 году?» Он быстро ответил: «Нет, нет, это исключено. К тому же вы ведь знаете, что я не цеплялся за это кресло». И потом как-то неожиданно для меня сказал: «Когда-то Каганович советовал мне каждую неделю встречаться с двумя-тремя секретарями обкомов и крайкомов. Я этого не делал, и, видимо, в этом одна из моих ошибок». Потом я его спросил: «А как вы расстались, по-доброму ли?» И про себя невольно подумал о собственном будущем, о том, как отнесутся ко мне новые руководители. Никита Сергеевич немного задумался и потом ответил: «Да, пожалуй, по-доброму, во всяком случае, я считаю это моим достижением, что всё прошло более или менее цивилизованно». Потом, по-видимому, почувствовав подоплёку моего вопроса, он добавил: «Что касается вас, то мне трудно сказать, как сложатся ваши дела. Скорее всего, вы вернётесь обратно в МИД». Затем мы обнялись и на этом расстались» (О. Трояновский. Через годы и расстояния. М., 2017. С. 241).

Почему же Хрущёв отказался от дальнейшей борьбы за власть? Да потому, что увидел, что его недавние соратники действовали не экспромтом. У них почти всё было продумано. И они имели планы на час Икс. Сопротивляться было бесполезно.

Хрущёв не заблуждался. Брежнев действительно заранее предусмотрел все варианты. И поэтому у него уже наготове были группы оперативного реагирования.

Брежнев не стал дожидаться до утра. Он уже поздним ве-

чером предпринял ряд контрмер. Не зная, что за ночь мог бы учудить Хрущёв, он распорядился вытащить из сейфа доклад об ошибках ещё не поверженного вождя, который после Шелепина готовила бригада под руководством Полянского. Этот доклад предполагалось, в случае если б Хрущёв всё-таки преподнёс какие-то неожиданные сюрпризы, зачитать на пленуме ЦК – чтобы все могли понять масштаб бедствий, которые Хрущёв нанёс за последние годы партии и стране. Как потом выяснилось, убийственную для Хрущёва фактуру собрали работавшие в КГБ экономисты.

Брежнев не исключал, что на пленуме ЦК могли бы объявиться защитники Хрущёва. Поэтому он заранее озабочился подбором людей, кто аргументированно бы развенчал Хрущёва. И тут особая роль им отводилась заведомо административных органов ЦК Миронову. Секретарь этого отдела Галина Романова рассказывала, как она в ночь на 14 октября печатала предполагавшееся выступление Миронова. Шеф сочинял экспромтом. Он диктовал с голоса, «и при этом ему без конца звонил Семичастный, председатель КГБ. Николай Романович называл его Володей. Миронов диктует: “Сегодня мы рассматриваем неправильное поведение...”” Потом прерывается и спрашивает меня: “Как ты думаешь, кого?” Я отвечаю, что в наше время всё может быть. И вдруг он произносит фамилию Хрущёва. Мне стало совсем не по себе, и печатать стала ещё хуже» (цитирую по кн.: В. Некрасов. Аппарат ЦК КПС в погонах и без. М., 2010. С. 79).

Пока одни соратники Брежнева уже ночью готовили материалы к внеочередному пленуму ЦК, сам Брежнев раздавал поручения другим верным ему людям проверить основные средства СМИ, армейские штабы и разные органы управления

Николай Месяцев рассказывал, как в ночь на 14 октября его неожиданно вызвали к Брежневу. «В кабинете, – вспоминал он, – находились Л.И. Брежнев, сидевший в торце длинного стола заседаний, А.Н. Косыгин сидел сбоку, поставив ногу на стоявший рядом стул, напротив него Н.В. Подгорный и рядом с ним П.Н. Демичев, секретарь ЦК КПСС. Следом за мной в кабинет вошёл Л.Ф. Ильичёв, секретарь ЦК КПСС.

Было около полуночи 13 октября 1964 года.

После того как я поздоровался и сел около А.Н. Косыгина, Л.И. Брежнев спросил: “Кто поедет на радио представлять Николая Николаевича коллегии Комитета?” Подгорный: “Ильичёв, это его епархия, там, наверное, его хорошо знают”. Ильичёв: “Хрущёв может проходить и дальше в радиотелевизионных программах или убрать его из эфира совсем?” Демичев: “Убрать совсем”. Брежнев: “Да, так будет правильно”. Косыгин и Подгорный согласились с этим. Брежнев: “Коля, желаем тебе успеха. На днях мы встретимся. В случае необходимости звони”.

Ильичёв и я попрощались с присутствующими и вышли.

Вот и всё. Рубикон перейдён. Без всяких словопрений и эмоций. Новая страница жизни открыта... Для меня...

Для Н.С. Хрущёва книга его большой жизни, судя по поведению и настроению его бывших сподвижников, дописана. Внешне они были спокойны. Что делалось в их сердцах и умах – неведомо» (Н. Месяцев. Горизонты моей жизни. М., 2005. С. 449).

Искать поддержки у военных Хрущёву тоже уже не имело смысла, ведь если министр обороны и начальник Генштаба оказались на стороне недовольных им, то понятно, что войска в его защиту не вступились бы. Исчезли у Хрущёва и все иллюзии задействовать в свою поддержку кассу партии: об этом побеспокоился замуправделами ЦК Грант Григорьян (с которым заранее соответствующую работу провёл его бывший босс Александр Шелепин).

За ночь Хрущёв, уже зная о происшедших переменах в Гостелерадио, понял, что никаких шансов остаться у руля у него уже не было. Дальше упорствовать смысла не имело. Второе заседание Президиума ЦК с участием Хрущёва началось 14 октября в одиннадцать часов. Хрущёв получил слово почти сразу же. Он без долгих речей согласился добровольно подать в отставку.

Дальше – только слухи. Протоколы того заседания Президиума ЦК отсутствуют (или до сих пор находятся в архивах на секретном хранении). По одним разговорам, на освободившееся место руководителя партии кто-то предложил Сулова, но тот сразу отказался в пользу Брежнева. По другим – председательствовавший на заседании Президиума

ЦК Брежнев якобы выступил за Подгорного, но Подгорный вроде сам отклонил этот вариант, посчитав, что целесообразней избрать Брежнева. Но часть исследователей утверждают, будто на Президиуме ЦК была выдвинута только одна кандидатура, и это была кандидатура Брежнева.

Тут интересная вещь. Когда 14 октября заседание Президиума ЦК продолжилось, к Москве подлетал самолёт, на борту которого находился президент Кубы Освальдо Дортикос Торрадо. По протоколу кубинского гостя должны были встречать первые лица страны, включая Хрущёва, а также главный редактор главной газеты Советов – «Известия» Аджубей. Но зять Хрущёва догадывался, что в тот момент происходило в Кремле, и поэтому не знал, стоило ли ему ехать в аэропорт и принимать участие во встрече кубинского президента. Он в мемуарах рассказывал «По протоколу, как главный редактор газеты “Известия”, я должен был быть среди тех, кто встречает гостя. Ехать не хотелось. К этому времени уже не первый час шло заседание Президиума ЦК партии. Смещали Хрущёва. Я знал, что никакой обратный ход невозможен. По-видимому, задержка происходила из-за каких-то деталей. Позвонил в МИД, заведующему отделом печати Леониду Замятину. Он, конечно, догадывался о том, что происходит. Спросил его: “Стоит ли мне ехать на аэродром?” Он ответил: “Обязательно, я тебя прихвачу”».

Далее Аджубей рассказывал, как самолёт долго в ожидании разрешения заходить на посадку кружил над Москвой.

Он понимал, что в Кремле ещё не определились, кто будет у трапа встречать кубинского президента. Наконец подъехала машина председателя Правительства России Геннадия Воронова, а затем появился ещё и Подгорный, который при всех бросил фразу: «Всё, дожали Хрущёва».

Но ничего ли Аджубей за давностью лет не перепутал? Совсем по-другому сцену встречи кубинского гостя описал в мемуарах бывший сотрудник службы протокола МИДа Борис Колоколов. Он писал: «Я вспоминаю вторую половину дня 14 октября 1964 г. На это время был запланирован приезд в Москву Освальдо Дортикоса Торрадо – президента Кубы. И по программе визита, которую согласовали заранее, в аэропорту Дортикоса должен был встречать Хрущёв. Когда мы приехали в действовавший уже тогда аэропорт Внуково-2, до настоящего времени используемый для специальных мероприятий, то почувствовали что-то неладное. Было какое-то необычное оживление в зале аэропорта. Хрущёв не появлялся. Прибыл специальный самолёт, из него вышел Дортикос, стал медленно спускаться. Его встречал А.И. Микоян. Он был тогда председателем Президиума Верховного Совета СССР. Анастас Иванович сказал: “Сейчас Никита Сергеевич, к сожалению, находится в Кремле, где проводится очень важное мероприятие. Программу мы, возможно, немножко модифицируем”». (Б. Колоколов. Профессия – дипломат. М., 1998. С. 45).

Подгорный же во встрече на московском аэродроме ку-

бинского президента участия не принимал.

Ещё по дороге из аэропорта Аджубей был вызван на Старую площадь к секретарю ЦК по пропаганде Леониду Ильичёву, который объявил о снятии его с работы. Новым редактором «Известий» был назначен заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС по сельскому хозяйству РСФСР Владимир Степаков, который одно время вместе с Демичевым работал в Московском горкоме партии.

Президиум ЦК закончил заседать в обед 14 октября и тут же созвал на шесть вечера пленум ЦК. Поскольку Хрущёв уже подписал заявление об отречении, Брежнев отказался от варианта с докладом Полянского на пленуме, как и от проведения на пленуме каких-либо прений. В ход пошёл запасной вариант. Я имею в виду доклад без убийственной фактуры, подготовленный в ближайшем окружении Сулова.

К слову: исходя из того, что с главным сообщением на пленуме ЦК о причинах смены руководства в партии выступил Сулов, историк Рой Медведев в своё время сделал вывод, что именно Сулов и организовал весь процесс по смещению Брежнева. Но с такой трактовкой не согласился Пётр Шелест. «Считаю, – заявил он как-то главному редактору газеты “Аргументы и факты” Владиславу Старкову, – что такая роль преувеличена. При Хрущёве Сулов не являлся вторым человеком в руководстве, как это стало при Брежневе. Доклад, с которым Сулов выступил на пленуме, гото-

вил Полянский и другие товарищи. По идее с ним должен был выступить Брежнев или в крайнем случае Подгорный. Брежнев просто сдрейфил, а Подгорный категорически отказался. Тогда поручили сделать это Суслову. Если Шелепин, как утверждает Медведев, и принимал какое-то участие в подготовке материалов к пленуму, то Суслов до последнего момента не знал о предстоящих событиях. Когда ему сказали об этом, у него посинели губы, передёрнуло рот. Он еле вымолвил: “Да что вы?! Будет гражданская война”. Словом, сделали Суслова “героем”. А он не заслуживает этого. Решающая роль в смещении Хрущёва принадлежала Брежневу и Подгорному, и никому другому. Такова истина».

Это заявление Шелеста, сделанное Старкову, позже включил в книгу своих мемуаров «Те десять лет» Аджубей (по ней и приведена цитата: М., 1989. С. 291).

Но Шелест всё-таки недооценивал закулисную роль Суслова.

Да, на самом пленуме с предложением избрать Брежнева новым лидером партии выступил член Президиума ЦК Дмитрий Полянский. Оно сразу – без каких-либо обсуждений – было проголосовано. Все подняли руки «за».

Кстати, а имелась ли альтернатива Брежневу на тот момент? Безусловно. Я уже называл фамилию Подгорного, который имел огромные амбиции. Правда, в октябре 1964 года он сам не пожелал выдвинуть себя на главную роль, решив с годик или два подождать, пропустив вперёд Брежнева.

Но альтернативные варианты не исчерпывались фамилией одного Подгорного. Понятно, что осенью 1964 года мог быть выбор только из членов существовавшего на тот момент руководства. Так вот Аджубей полагал, что для партии и страны в ту пору полезней было бы новым лидером партии избрать Геннадия Воронова или Александра Шелепина, которые могли бы, к слову, устроить и Хрущёва. Он сам себя в мемуарах спрашивал: к кому бы Хрущёв отнёсся с уважением? И сам ответил: «Предполагаю, что такими людьми могли стать Геннадий Иванович Воронов, член Президиума ЦК, образованный, опытный, энергичный человек, руководивший Правительством Российской Федерации, и Александр Николаевич Шелепин, ведавший в партии и правительстве вопросами партийно-государственного контроля» (А. Аджубей. Те десять лет. М., 1989. С. 299).

Вернусь к пленуму. Конечно, он всех потряс, ведь в истории партии и страны открывалась новая страница.

«Сегодня был пленум ЦК КПСС, – записал уже почти в полночь 14 октября в свой дневник замминистра иностранных дел Владимир Семёнов. – По просьбе т. Хрущёва он освобождён от обязанностей Первого секретаря и члена Президиума ЦК КПСС и председателя Совмина СССР вследствие преклонности лет и по состоянию здоровья. Первым секретарём избран Л.И. Брежнев, председателем Совмина – А.Н. Косыгин. Докладывал М.А. Сулов. Н.С.<Хрущёв> сидел довольно осунувшийся, внезапно постигший реальность

положения. После пленума ездил вместе с А.А.<Громыко> в Барвиху. По дороге говорили о событиях последних лет и о решениях пленума. Резонанс будет громадный, и последствия необозримые».

Когда пленум закончился, Хрущёву разрешили зайти в комнату Президиума ЦК. Он с каждым из членов высшего партийного ареопага попрощался за руку. С тех пор с большинством из них поверженный вождь уже никогда не встречался.

К слову, до сих пор неизвестно, все ли члены ЦК прибыли на тот октябрьский пленум, где решалась судьба Хрущёва и всей партии. В хранящемся в РГАНИ протоколе пленума перечислены 154 присутствовавших членов ЦК. Но Михаил Халдеев, который тогда занимал должность заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС по промышленности РСФСР, в своих мемуарах утверждал, что на пленуме отсутствовали первые секретари Ленинградского и Ивановского обкомов партии Василий Толстиков и Иван Капитонов. Халдеев не верил в случайности. Видимо, или сам Брежнев, или кто-то из его ближайшего окружения не были до конца убеждены в стопроцентной поддержке всех членов ЦК, и на всякий случай была дана команда кое-кого в Москву не вызывать.

Кстати, не было у Брежнева стопроцентной уверенности в лояльности к нему и со стороны руководителей большинства структурных подразделений ЦК. Халдеев рассказывал,

как в ночь на 15 октября – уже после состоявшегося пленума ЦК – его срочно вызвали на работу, а потом пригласили в кабинет Николая Вороновского, который курировал парторганы РСФСР по промышленности, а у того уже сидел незнакомый ему человек, некоторыми своими манерами позволявший предположить, что он представлял Лубянку. И Вороновский стал выяснять у Халдеева его отношение к уже поверженному Хрущёву. У Халдеева сложилось впечатление, что люди Брежнева всю ночь вычисляли, кто в центральном партаппарате мог бы публично выступить в защиту Хрущёва и выразить недовольство избранием Брежнева.

Понятно, что все сотрудники аппарата ЦК ещё с вечера 14 октября пребывали в некоем смятении. Многие не знали, что последует дальше. А команда победителей с разъяснениями не торопилась. Всех заведующих отделами ЦК собрали в зале заседаний Секретариата ЦК лишь в десять утра 15 октября. Хрущёв вспоминал: «Брежнев проинформировал о событиях, связанных с Никитой Сергеевичем, ошибках в его работе, проявленных им субъективизме и волюнтаризме <...> Мне удалось сделать довольно-таки подробные записки услышанного на этом совещании <...> Но Леонид Ильич не сказал нам, что решение по Хрущёву есть решение Пленума ЦК КПСС» (М. Халдеев. Жизнь есть действие. М., 2006. С. 290).

Впоследствии зять Хрущёва, Аджубей, не раз интересовался у тестя, не жалел ли он, что в послевоенные годы стал

двигать Брежнева на Украине, а потом сильно приблизил его к себе в Москве. «Я, – рассказывал Аджубей, – спросил как-то Хрущёва: только ли его стараниями возник Брежнев на московском горизонте? Хрущёв ответил, что Брежнева заметили в Москве давно, а после войны Молотов даже просил откомандировать его в Министерство иностранных дел на должность своего первого зама» (А. Аджубей. Те десять лет. М., 1989. С. 299). А ведь, похоже, Хрущёв говорил зятю правду.

Всё сейчас свидетельствует о том, что на верх Брежнева много лет продвигали другие фигуры, которые до сих пор не попали в поле внимания историков, а Хрущёва какие-то силы до поры до времени использовали втёмную, и, когда Хрущёв стал не нужен, его заменили Брежневым.

Этого человека учить борьбе за власть не придётся

1

Итак, вечером 14 октября 1964 года Леонид Брежнев одержал на внеочередном пленуме ЦК внушительную победу: он стал новым лидером партии, а по сути – и всего государства. Но имелась ли у него конкретная программа дальнейших действий? Отдавал ли он себе отчёт в том, с чем столкнётся и что в срочном порядке придётся делать?

Безусловно, Брежнев имел не только общее представление о том, что творилось в стране. Многие он знал в деталях. Не забудем: человек до этого много лет находился в высшем партийном ареопаге, с конца 1950-х годов предметно занимался оборонкой и космосом, до этого поднимал целину в Казахстане и поэтому хорошо разбирался в вопросах сельского хозяйства, плюс, будучи короткое время председателем Президиума Верховного Совета СССР, успел приобрести и некий международный опыт. Однако планов конкретных реформ во внутренней политике и в экономике Брежнев на тот момент точно не имел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.